

Д.Б. Кейнс*

IMITATIO CHRISTI

И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЙ

УДК 94(4+7)

Автор этой статьи считает, что Евангелия относятся к жанру античной биографии, назначение которой состоит в том, чтобы давать читателям и слушателям пример для подражания. Литературный и культурный этос периода формирования раннего христианства подготавливал первых учеников “подражать Христу”, когда бы Евангелия ни читались на литургии. В действительности, этические предписания “поступай как Он поступал”, “подражай Христу” или даже “следуй за мной” требовали определения с помощью повествования.

Поэтому *imitatio Christi* дало важный импульс к написанию Евангелий, а они, в свою очередь, дали нарративное определение того, что же это означало – следовать за Христом.

Ключевые слова: жанр Евангелий, подражание, ученичество, Евангелие от Марка, мученичество, почитание.

Keywords: Gospel genre, imitation, discipleship, Gospel of Mark, martyrdom, worship.

Исследователи, проделавшие в последние несколько десятилетий значительную работу, пришли к однозначному выводу о принадлежности Евангелий к жанру античной биографии. Хотя Рудольф Бультман утверждал, что Евангелия не имеют никаких параллелей в греко-римской литературной традиции¹, что они, возникнув на пересечении керигмы² и мифов об Иисусе, представляют собой продукт творчества ранней Церкви³, современные ученые выдвинули серьезные возражения против выводов Бультмана. Так, например, Гельмут Кёстер приходит к выводу о том, что Марк был первым, кто создал “жизнеописание Иисуса” по примеру биографии пророка⁴. Как и в других ветхозаветных пророческих текстах, в Евангелии от Марка собраны более ранние сведения, и начинается оно с призвания во время крещения Христа и начала Его пророческой миссии: “Ты Сын Мой возлюбленный...” (Мк.

* Д-р Д.Б. Кейнс – научный сотрудник Центра им. Томаса Нельсона Теологического ф-та Баптистского университета Хьюстона (Thomas Nelson Research Professor in the Department of Theology at Houston Baptist University). Перевод статьи публикуется с любезного согласия автора. Оригинальное изд.: *Capes D.B. Imitatio Christi and the Gospel Genre // Bulletin for Biblical Research. 2003. № 13(1). P. 1–19.*

1:11). И Он обходит Галилею, возвещая послание Божье, и находит высшее оправдание своего служения по ту сторону своих страданий и смерти.

В своей книге *Жанр Евангелий: Биографический характер Евангелия от Матфея*⁵ Филипп Шулер замечает, что в греко-римском мире был такой тип жизнеописания, как энкомий, или хвалебное жизнеописание. Цель этого жанра заключалась в том, чтобы вознести хвалу героям сочинений подчеркнув их величие и характер. Евангелия, утверждает Шулер, соответствуют этой парадигме. В них не только провозглашается, что Иисус Христос – Сын Божий и содержится хвала Ему, но также из Него делают пример, достойный подражания (зд.: emulation)⁶.

Одним из наиболее тщательных исследований, в которых делается попытка доказать, что Евангелия действительно относятся к жанру греко-римских βίαι, является книга Ричарда Барриджа *Что такое Евангелия? Сравнительный анализ Евангелия и греко-римской биографии*⁷. Рассмотрев и проанализировав имеющиеся научные работы по проблеме жанра, Барридж предлагает собственное решение, применяя методологии теории литературы. Прекрасно разбираясь в источниках указанного периода и историографии, он сопоставляет Евангелия с другими релевантными текстами и находит достаточные основания для вывода, что Евангелия действительно представляют собой античную биографию. Однако, поскольку для современного читателя понятие “биография” подразумевает вполне определенные ассоциации, Барридж предпочитает употреблять греческое βίαι (жизни)⁸. Установив это, Барридж делает акцент на проблеме правильного истолкования. Он пишет: “Раз жанр – ключ к пониманию смысла любого сочинения, а жанр Евангелий – это βίαι, тогда ключом к их пониманию должна стать личность их героя – Иисуса из Назарета”⁹. Тем, кто считает, что ранняя Церковь интересовалась мало или вообще не интересовалась земной жизнью Христа, Барридж отвечает: “Вздор!” Сам факт написания Евангелий подтверждает, что интерес к тому, что сказал или сделал Иисус, был у ранней Церкви очень большим.

Чарльз Толберт в своей книге *Что такое Евангелие?* утверждает: Евангелия действительно относились к жанру античной биографии¹⁰, он разрабатывает собственную классификацию, в основе которой – те функции, которыми обладала биография в той или иной социально-интеллектуально-духовной среде. Признавая, что целью античных биографов было наставление или проставление, Толберт выводит пять типов античной биографии. Хотя любое сочинение может преследовать несколько целей, трем из

пяти пунктов Евангелия соответствуют полностью. Евангелия от Марка и Иоанна писались, чтобы защитить Иисуса Христа от неверного понимания и чтобы представить Его таким, каким Он был на самом деле. Евангелие от Матфея составили, чтобы показать, что жизнь Иисуса подтверждает Его учение и дает важнейший ключ, необходимый для толкования Его заповедей. *Деяния Луки* описывают жизнь Христа и истоки раннехристианской Церкви, чтобы продемонстрировать, где можно обнаружить истинную апостольскую традицию¹¹. И, кроме того, во всех четырех Евангелиях Толберт находит то, что он обозначает как “тип Б” – т.е. жизнеописание, созданное “развеять ошибочное представление об учителе и дать истинный образец, которому надо следовать”¹².

В данной статье я намерен, основываясь на имеющихся исследованиях, развить тезис жанрового соответствия Евангелия античной биографии, предназначение которой в том, чтобы предоставить читателю или слушателю пример для подражания. Этот тезис будет развиваться в следующих направлениях: во-первых, в греко-римской и еврейской культурах существовал литературный этос, в рамках которого писатели, философы, богословы считали выдающихся людей образцами, которым следовало подражать. Во-вторых, в христианской традиции (вне евангельских текстов) главы общин побуждали учеников подражать жизни Христа и, по-видимому, они подразумевали особые действия и поведение. В-третьих, в самих Евангелиях определенно выражен ясный призыв следовать за Иисусом и намерение изобразить Его не только как Единородного Сына Божьего, но и как того, кому Господь хотел бы, чтобы верующие подражали. А в-четвертых, в то время, когда Евангелия уже были написаны, христиане читали их и убеждали в том, что нужно подражать Иисусу и Его образу жизни. Эти факторы позволяют утверждать, что Евангелия следует воспринимать как тексты, дающие христианам “сценарий” для подражания. Когда ранние христиане использовали *imitatio* как основу для моральной проповеди, они опирались на повествование о жизни Иисуса, как она рассказана в Евангелиях. Иными словами, увещевания “поступай как Он поступал” или “подражай Христу”, или даже “следуй за мной” требовали определения через повествование (*narrative definition*). Невозможно подражать Христу, если не существует рассказа о том, как Он жил. Вероятно, будет некоторым преувеличением сказать, что Евангелия и писались как раз для того, чтобы распространить этот рассказ; тем не менее, похоже, что в ранней Церкви именно для этого главным образом Евангелия и служили.

ПОДРАЖАНИЕ В ГРЕКО-РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Моралисты греко-римской эпохи использовали множество литературных и риторических конвенциональных приемов, чтобы призвать своих последователей к добродетельной жизни. Личные примеры были расхожим приемом, и они считались более убедительными, чем прочие. Чем ближе пример, тем более вероятно, что он приведет человека к правильному образу жизни; тем не менее, образцы можно найти и в литературе¹⁵. Сенека отмечает, что в сражении за исправление нашего нрава нам непременно нужна значительная помощь. Ее можно получить от живущих, а можно также получить ее от древних, ведь у них есть время помочь нам. Все же, следует внимать тем людям, которые учат своей жизнью, а не своими словами. Тех, кто ведет себя правильно, следует предпочитать тем, чьи слова расходятся с их жизнью. (Сенека. *Нравственные письма к Луцилию*, 52: 1–9).

Квинтилиан (*Риторические наставления*, 2.2.8) пишет, что учитель ораторского мастерства должен обладать хорошим нравом. Благопристойность характера сохранит в детях отзывчивость, а сила авторитета поможет сдерживать более дерзких мальчиков. Учитель должен подавать пример своим ученикам и управлять ими при помощи дисциплины:

*хотя довольно примеров к подражанию может представиться им при чтении книг, но гораздо больше действует изустно пересказанное учителем*¹⁴.

Дион Хрисостом (*Избранные речи*, LV, 4–5), споря со своим собеседником, утверждает, что Сократ перенял свое мастерство учителя у Гомера, хотя и не видел его. Ведь может человек быть учеником (μαθητήν) и последователем (ζηλωτής) Гомера, даже если они не были современниками. И если кто-то объявляет себя последователем Гомера – или любого другого хорошего учителя, если уж на то пошло, – тогда такой человек знает, на кого он похож (ομοιος). Подражая его делам и словам (μιμούμενος τα έργα και τους λόγους), он старается казаться похожим на него (επιχειρεί ομοιον αυτον αφοφαινειν). Подражая учителю, он перенимает мастерство (τέχνην)¹⁵.

Исократ (*Речь “Эвагор”*, 73–77) пишет восхваление Эвагору¹⁶ и определенно предпочитает письменное свидетельство о жизни человека всем прочим формам увековечивания. Он пишет:

Ибо я все-таки считаю, Никокл, что, хотя скульптурные изображения тоже могут служить хорошим памятником человеку, все же гораздо более ценным является изображение его деяний

и помыслов, что может быть достигнуто только в искусно составленной речи. Я отдаю предпочтение этому виду изображений прежде всего потому, что, как мне известно, люди, совершенные во всех отношениях, не столько гордятся телесной красотой, сколько ищут для себя славы в разумных поступках. С другой стороны, изваяния по необходимости имеются лишь там, где их поставили, тогда как речи могут быть разнесены по всей Элладе. Распространяясь, они могут вызвать восхищение в кругу рассудительных людей, чьим мнением следует дорожить гораздо больше, чем всяким иным. Кроме того, никто не смог бы воспроизвести своим телом фигуру, изваянную в бронзе или нарисованную на картине, тогда как подражать нравам и поведению людей, обрисованных в речах, легко может всякий, кто не стремится к беспутному образу жизни, а хочет стать порядочным человеком. Ради этого в особенности я и предпринял составление данной речи, ибо я считал, что и ты, и твои дети, и вообще все потомки Эвагора обрели бы величайший стимул к совершенствованию, если бы кто-нибудь собрал воедино свидетельства о его доблести и, обработав их в виде речи, передал вам для постоянного созерцания и изучения. Обычно мы побуждаем людей к занятию философией, отзываясь с похвалой об успехах других: завидуя тем, кого похвалили, люди начинают подражать им в своих стремлениях и поступках. Однако, чтобы поощрить тебя и твоих детей, я могу сослаться на пример не какого-нибудь чужого, а близкого и дорогого вам человека. Советую тебе: всячески старайся, чтобы не уступать никому из эллинов в умении говорить и действовать¹⁷.

Существует несколько вещей, согласно Исократу, придающих значимость устным и письменным свидетельствам о жизни великого человека и заставляющих подражать им. Во-первых, он полагал, что лучший памятник любому великому человеку, – это речи, в которых запечатлены его нрав и деяния. Во-вторых, если памятник рукотворный прославляет величие человека только в том городе, где он установлен, то публичное слово границ не знает. В-третьих, легче изучать и подражать характеру, мыслям и устремлениям великих людей, чьи жизни запечатлены в устном или письменном слове.

Плутарх известен своими биографиями выдающихся государственных деятелей Греции и Рима. Его “Жизнеописания”, написанные ок. 100–125 гг. н.э., остаются одними из лучших биографических и исторических источников о жизни 44 людей, которых

он прославляет в своих сочинениях. В одном из “Жизнеописаний” (Плутарх. *Эмилий Павел*, 1–2) он объясняет свой замысел:

Мне случилось начать работу над этими жизнеописаниями, выполняя чужую просьбу, но продолжать ее – и притом с большой любовью – уже для себя самого: глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь и устроить ее по примеру тех, о чьих доблестях рассказываю. Всего более это напоминает постоянное и близкое общение: благодаря истории мы точно принимаем каждого из великих людей в своем доме, как дорогого гостя, узнаем, “кто он и что”, и выбираем из его подвигов самые значительные и прекрасные. “О, где еще найдем такую радость мы?”¹⁸ Что сильнее способствует исправлению нравов?¹⁹

Плутарх считал, что когда стремишься к нравственному совершенству, нет ничего лучше, чем изучать “Жизнеописания” великих исторических личностей и стараться “изменить к лучшему и устроить” свою жизнь в соответствии с доблестями, явленными в “Жизнеописаниях”. В другом месте своего сочинения он замечает, что “как глазу нравится цвет, который... живет и укрепляет зрение”, так и прекрасная жизнь влечет человека к добру, ему свойственному. Добродетельные поступки достойных людей “внушают тем, кто их изучит, стремление к соревнованию и желание подражать”. (Плутарх. *Перикл*, 1.3–4). Добродетель, пишет он, “своими делами приводит людей тотчас же в такое настроенное, что они в одно время и восхищаются делами ее, и желают подражать совершившим их”. (Плутарх. *Перикл*, 2.2)²⁰.

Лукиан (*Жизнеописание Демонакта*, 1–2, II в. н.э.) подробно описывал жизнь Демонакта, философа-циника, которым он восторгался, и полагал, что молодые могут посоревноваться с ним, подражая. Он и сам учился у него какое-то время. Своим читателям он восхваляет его таким образом:

Теперь же справедливо будет поговорить о Демонакте, и притом с двоякой целью: чтобы образ его, насколько это в моих силах, мог сохраниться в памяти лучших людей и чтобы юноши из самых знатных родов, стремящиеся к философии, могли настраивать себя в лад не с одними только древними образцами, но, имея перед глазами высокий пример из наших дней, подражали бы этому философу, лучшему из всех, мне известных²¹.

Из данного краткого обзора можно сделать сразу несколько выводов²². Во-первых, моралисты греко-римского мира считали

добродетельные жизни конкретных великих людей значимым фактором в воспитании моральных качеств человека. Во-вторых, несмотря на явное предпочтение образцам современным, большую пользу можно извлечь из изучения “Жизнеописаний” людей, которых отделяет время и пространство. В-третьих, деяния и нравы этих незаурядных личностей могут храниться в памяти поколений как в устных, так и в письменных рассказах. В сущности, именно желание сохранить память о столь великих личностях и обусловило появление ряда сочинений, прославляющих их жизнь. В-четвертых, такие рассказы о выдающихся представителях рода человеческого не просто воодушевляют своих читателей и слушателей – они помогают в изучении и подражании добродетелям, мыслям и нравам. В-пятых, моралисты призывали своих учеников находить только таких кумиров, кто вел себя под стать своему учению. Те же, кто вел жизнь, несообразную с проповедуемыми ими правилами, были недостойны подражания. И наконец, учеником и последователем можно было стать и без личного знакомства с великим учителем. Изучая их слова и поступки по сочинениям, в которых рассказывается о них (особенно по таким, что хорошо написаны), и подражая этим словам и поступкам, человек может понять, что они за учителя, и в конце концов стать таким как они.

ПОДРАЖАНИЕ В ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Еврейская литература начиная с периода эллинизма являет похожий взгляд на подражание. Согласно Филону Александрийскому (Трактат *О жизни Моисея*, 1.158), Моисей взял на себя роль примера, которому нужно было подражать. В традиции вечной философии (*philosophia perennis*) добродетельную жизнь считали путем к бессмертию²³, и праведные следовали ей (Прем. 4:2²⁴).

Перед лицом преследований иудеи должны были помнить о тех, кто предпочел пытки и смерть, и подражать их примеру, а не перенимать нравы эллинов. Согласно одному свидетельству, Антиох IV приказал заключить в темницу семерых братьев и их мать за то, что они отказывались вкушать свиное мясо, и угрожал им пытками. Поведение старшего брата приводится в качестве примера для подражания. Перед лицом тирана юноша заявляет, что он скорее умрет, чем нарушит закон, установленный Моисеем. Повествование о его казни изобилует красочными подробностями (4 Кн. Маккавеев, 9:19–25):

Они подсыпали угля, подбросили хвороста и еще сильнее натянули колесо. Колесо со всех сторон испачкалось в крови, грудой углей тушили капли крови и сукровицы, а на осях этого приспособления налипли куски плоти. Но, хотя с костей уже содрали все, что их соединяет, гордый и мужественный юноша отпрыск Авраама не застонал, а, словно преобразившись в огне для нетления, благородно выстоял под пытками, говоря: “Подражайте мне, братья, не оставляйте строя в моем ратоборстве, не отрекайтесь от нашего крепкого духом братства. Бейтесь за благочестие в битве священной и благородной, ведь это Его ради Промысл, справедливый и к нашим предкам, смилостивится, быть может, над народом и отомстит душегубу тирану”. Вымолвив это, достойный принести жертву юноша исторг душу²⁵.

Невзирая на невыносимые страдания, братья были едины, они поддерживали друг друга в стойкости. Рассказ о Седрахе, Мисахе и Авденаго, сохранивших свою веру в огненной печи Навуходоносора (Дан. 3), послужил им примером (4 Кн. Макавеев, 13:8–10): *В самом деле, образовав жертвенных хор благочестия, они ободряли друг друга такими словами: “Умрем же по-братски, братья, за Закон. Возьмем пример троих юношей в Ассирии, которые презрели печь не менее страшную. Чтобы явить миру благочестие не станем праздновать трусу”²⁶.*

Призывая праведников выносить страдания, но не перенимать обычаи греков, люди могли найти примеры для подражания не только среди мучеников недавних времен – их также можно было отыскать в иудейских священных текстах.

В “Завете Вениамина”²⁷ таким образом выступает Иосиф. Хотя многие злоумышляли против него, он все равно жил праведно и снискал Божью благодать.

Итак, теперь, дети мои, и вы возлюбите Господа, Бога неба и земли, и храните заповеди Его, подражая благому и праведному мужу Иосифу. И пусть будет помышление ваше на благое, как и обо мне вы знаете; ибо имеющий мысль прямую видит все прямо. (Завет Вениамина, 3:1–2)²⁸

Итак, вы видели, дети мои, доброго мужа кончину; подражайте благою мыслью милосердию его, дабы и вы венцы славы носили. Ибо добрый человек не имеет темного ока, так как милует всех, хотя бы они и были грешниками. И если совещаются о нем на злое, таковой делая доброе, побеждает злое, будучи защищаем Богом; а праведных он любит, как душу свою. (Завет Вениамина, 4:1–3)

Указание на то, что Иосиф – именно тот, на кого нужно равняться, следует из повествования Книги Бытия, гл. 37–50. Необходимо помнить, что братья продали его в рабство, а жена его хозяина Потифара безуспешно пыталась соблазнить его. Не следует также забывать и то, как Господь использовал эти события, чтобы принести Израиллю великое благо. В этом случае увещание получает определение с помощью повествования. Иначе невозможно подражать Иосифу, его благочестию, не обладая некоторыми занятиями о том, как он жил.

В некоторой степени, всем добродетельным людям предписывается подражать Богу. Филон Александрийский (*О добродетелях*, 168) пишет, что добродетельный человек оказывает благодеяния по отношению к своим ближним, чтобы помочь им. Люди должны подражать Богу, насколько это в их силах, и тем самым передавать божественные способности и дары окружающим, и когда добродетельные люди делают это, они уподобляются Господу. Нет большего блага, считает Филон, чем подражание человека вечносущему Богу (*Об особенных законах*, 4.73). В акте деторождения родители подражают Ему и тем самым являются частью божественной природы (*Об особенных законах*, 2.225). Хама бар-Ханина (III в. н.э.) (*Трактат “Сота”*, 14a) призывает читателей вести себя как Бог – давать одежду нагим, посещать больных, утешать скорбящих, погребать покойных²⁹. Без сомнения, основная идея подражания Богу сложилась в Ветхом Завете. Именно в этих текстах Господь наказывает Израиллю: будьте святы как свят Господь, Бог ваш (Лев. 19:3), любите пришельца, как Он (Втор. 10:18–19), а в субботний день отдыхайте, как и Он почил в день седьмой (Исх. 20:10–11).

В “Письме Аристее к Филократу”³⁰ царь³¹ желает набраться мудрости от ученых мужей, прибывших для перевода иудейского закона³². В течение многодневного пира, он задает мудрецам вопросы, и в своих ответах ученые мужи часто апеллируют к понятию подражания Богу или мудрецам. Когда царь спрашивает: “Кого следует назначать стратегами³³?” – книжник отвечает: “Тех, которые ненавидят порочность, и, подражая его образу жизни, творят правосудие, чтобы снова и снова зарабатывать себе хорошую славу – так же, как и ты, о могучий царь, достигаешь этой же цели, ибо Господь возложил на тебя венец справедливости” (*Письмо Аристее*, 280). У следующего царь спрашивает: “Кого должно назначать военачальниками?” Гость отзывается: “Мужей, выделяющихся храбростью и справедливостью, которые предпочитают скорее сохранить воинов, чем победить, без-

рассудно подвергая при этом опасности их жизни. Ибо так же, как Бог ниспосылает свое благословение на всех, так и ты, подражая Ему, творишь благо по отношению к своим подданным”. (*Письмо Аристея, 281*). У другого ученого царь спрашивает: “Что есть благочестие?” – на что был дан такой ответ: “Это осознание того, что Бог действует всегда и во всем и всё знает, и что человек не может скрыть от Него несправедливого деяния или злого поступка. Ибо как Бог благодворит всему миру, так и ты, подражая Ему, остался бы свободным от неправедных деяний”. (*Письмо Аристея, 210*). Царь задает одному из своих уважаемых гостей еще один вопрос: “Как же можно управлять царством безусловно на протяжении всего срока?” Поразмыслив немного, мудрец говорит: “Наилучшим будет управлять им, подражая вечной снисходительности (ἐπιεικέες) Бога. Ибо если ты будешь являть долготерпение и обращаться с теми, кто подлежит [наказанию], мягче (ἐπιεικέστρων), чем они того заслуживают, – ты обратишь их от зла и приведешь их к покаянию” (*Письмо Аристея, 187–188*). Другого гостя царь вопрошает: “Как сделать так, чтобы друзья были таковы же, как ты сам?” – Тот ответил: “Если они будут видеть, что ты усердно ревнуешь о нуждах тех, кем ты правишь. А это ты сделаешь, наблюдая, как Господь одаривает Своими благодеяниями человеческий род, даруя им здоровье, пищу и всё остальное в должное время” (*Письмо Аристея, 190–191*).

Итак, можно сделать вывод о том, что в еврейской философии и этических сочинениях в греко-римский период использовали дискурс подражания, чтобы подвигнуть читателей и слушателей к добродетельной, благочестивой жизни почти таким же образом, как это делали нееврейские авторы. Образцы можно было отыскать среди современников или в рассказах о выдающихся мужах прошлого, таких как Моисей или Иосиф. Священное писание в то время служило средством сохранять живую память об этих незаурядных фигурах. В частности, дискурс подражания ободрял верующих людей в период гонений. Те, кому грозили тюрьма, страдание или смерть, могли обратиться к примеру мучеников, которые, несмотря на страшные физические пытки, оставались преданными своей вере и отвергали ассимиляцию. В некоторых текстах праведникам предписывается подражать Богу, особенно проявляя щедрость, великодушие, милосердие, соблюдая заповеди, поступая по справедливости. Такими были “пути Господа”, которые ясно можно было наблюдать на земле и видеть в священных текстах, рассказывающих об отношениях Бога с Израилем.

Эти “деяния” Господни никогда не были просто абстракцией; они получили конкретное выражение в ветхозаветном повествовании.

Таким образом, ясно, что в тот, период, когда жизни добродетельных и праведных людей служили примером для подражания, уже существовала определенная культурная и литературная среда. Писатели сочиняли тексты, чтобы сохранить память об этих благородных мужах и чтобы побудить своих читателей и слушателей брать с них пример. Теперь же обратимся к неевангельским новозаветным текстам, в которых верующих призывают к подражанию.

ПОДРАЖАНИЕ В НЕЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТАХ НОВОГО ЗАВЕТА

Авторы книг Нового Завета наследуют культуру, где подражание и образец – это часть этического дискурса. Во многом они просто получают и передают эту традицию. С одной стороны, “негативной”, существуют предостережения не подражать злу. Как Израиль не должен был подражать мерзости хананеев (Втор. 18:9), так и христиане не должны подражать злу в любом его проявлении (3 Ин. 11). Священное писание учит, что Бог сурово обошелся с Содомом и Гоморрой за их беззакония, дабы на примере показать, что не следует жить в безнравственности и нечестивости (2 Пет. 2:6; Иуд. 1:7).

С другой стороны, “позитивной”, автор Послания к Евреям увещевает своих читателей помнить своих наставников и подражать их вере (Евр. 13:7). Апостол Павел призывает фессалоникийцев подражать церквам в Иудее в их терпеливой стойкости при гонениях (1 Фес. 2:14). А ранее в этом же послании он хвалит их за то, что они становятся “подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святого” (1 Фес. 1:6). И поэтому они, в свою очередь, стали моделью (τύπων) для всех верующих в Македонии и Ахайи³⁴. С великим дерзновением Павел не упускает случая привести в пример самого себя³⁵. Он наставляет филиппийцев: “Подражайте, братья, мне”, а также призывает их смотреть на тех, кто поступает по образцу, который нашли в нем и его учениках (Флп. 3:17; Флп. 4:9). Апостол призывает праздных фессалоникийцев вспомнить их доблестный труд и подражать его собственному примеру тяжелого труда. Он не ленился, не ел хлеба даром и усиленно работал, дабы никого не обременить – чтобы дать в лице самого себя образец (τύπων) для подражания (2 Фес. 3:7–9).

Без всякого чувства смущения Павел говорит коринфянам: “подражайте мне” (1 Кор. 4:16). Хотя у них тысячи наставников, но духовный отец только один – Павел (1 Кор. 4:15). И дабы напомнить (αναμνησθεῖ) им о своем “пути во Христе Иисусе”, апостол вскоре пошлёт к ним Тимофея. Важно отметить, что это наставление следует после перечисления бедствий апостола Павла (1 Кор. 4:9–13). На всем протяжении первых четырех глав Первого послания к коринфянам Павел утверждает: подлинная сила и власть заключены в кресте. Вообще, вся жизнь христианина проходит под сенью креста. Его собственные поступки, считает Павел, воплощают жизнь, выстроенную по образу креста (*cruciform life*)³⁶. То, что сила Господа и спасение явлены через слабость, ниспровергает традиционную людскую мудрость (Ср.: 1 Кор. 1:13³⁷)³⁸. Как это ни парадоксально, Павел понимает, что его слабости и страдания позволяют проявиться силе креста. Поэтому тот, кто будет подражать Павлу и помнить о его пути во Христе, в конечном счёте уподобится не ему, а Спасителю.

Эти тексты подтверждают тенденцию, о которой говорилось выше: что моральный дискурс наиболее удачен, когда он опирается на силу личных примеров. Более того, существует явное предпочтение и обращение именно к живому голосу и соответствующей проповедям образцовой жизни современников. Это вполне соотносится с тем, что мы находим в греко-римской литературной традиции. Но обращения к личным примерам в Новом Завете ни в коем случае не затмевают призывов подражать Христу.

В первом послании к Коринфянам (11:1) Павел пишет: “Будьте подражателями мне, как я Христу”. Этот стих завершает наставления в 10:23–33. Если коринфяне будут подражать Павлу, в конце концов окажется, что они подражают Христу, ведь апостол сам Ему подражает. В частности, он имеет в виду самоотвержение Христа, принесшего себя в жертву на кресте. Ханс Концельман полагает, что в данном случае не подразумевается подражание жизни Иисуса или его учению³⁹. Однако у такой точки зрения имеются оппоненты⁴⁰. Несомненно, основное для Павла – это распятие, но за актом искупления Христа лежит жизнь, прожитая в смирении перед Господом, жизнь для других, которая учит премудрости Божьей. Нельзя сказать, что эти аспекты жизни Иисуса не подразумеваются. Как отмечает Г. Фи, вполне вероятно, что учение Христа о пищевых законах (особенно заключение, когда он объявляет всю пищу чистой (Мк. 7:1–19)) оказало влияние на замечания Павла об идоложертвенном мясе⁴¹.

В послании филиппийцам (Флп. 2:5) апостол Павел предваряет так называемый гимн увещанием: “Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе”. Во Христе Распятом апостол видит главным образом того, кто ничего не делал из себялюбия, но в смирении стремился помогать другим (Флп. 2:1–4). Хотя некоторые возражают, что в намерение Павла не входило дать Церкви пример для подражания⁴², все же другие считают, что апостол именно ставит в пример Христа как высокий образец, так как его жизнь и мысли могут помочь верующим изменить их жизнь в соответствии с Божьим замыслом⁴³. Гимн сам по себе дает повествовательное определение (*narrative definition*) самоуничтожения и истечения того, кто существовал “в образе Божьем”, и, по-видимому, предполагает некий более полный рассказ – такой, который впоследствии в очищенном виде приведен в Евангелиях. В другом случае, например, Павел явно знает о традиции, сложившейся вокруг Тайной Вечери и включавшей ночное время действия, предательство, хлеб и чашу, слова, сказанные тогда Христом как предсказание Его собственной смерти (1 Кор. 11:23–26). Эта фраза, “сие творите в мое воспоминание” (1 Кор. 11:24, 25), предполагает наличие общины, которая воспроизводила эти действительные слова Христа как часть литургии⁴⁴.

В Новом Завете подражание Христу никогда не отстоит далеко от подражания Богу. В послании к ефесянам (4:32) Павел призывает своих слушателей: “Прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас”. В следующих строках он пишет: “Итак подражайте Богу, как чада возлюбленные, / И живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас...” (Еф. 5:1–2). Увещания прощать и жить в любви даны через пример, который Бог явил, послав на землю Христа.

Во второй главе первого послания апостола Петра говорится, что тот, кто поступает по правде и претерпевает за это страдания, – обретет милость (*χάρις*) Бога. В конце концов, христианин должен подчиняться и несправедливости. И доказательство тому – жизнь самого Иисуса. Петр утверждает (1 Пет. 2:21–23):

Ибо вы к тому призваны; потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его:

Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его;

Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному.

Корни этого отрывка (1 Пет. 2:21б-25), вполне вероятно, лежат в литургической традиции. Христиан призывают вверять себя

Богу, осознавая при этом, что их участь может отчасти состоять и из страдания. В “следовании по стопам Его” подразумевается единый путь для всех и общая, разделенная членами общины, судьба. Как замечает Дж.Н.Д. Келли, “смирненно принимать даже очевидно несправедливое обращение – это дело превосходное и поистине христианское, именно потому что сам Господь так считал, а призвание христианина – подражать Ему”⁷⁴⁵. Более раннее упоминание о невинных муках Спасителя можно найти у пророков, в частности – в книге Исаяи (Ис. 53:9). Тем более, что рассказ о том, как именно Он страдал – “не угрожал” и “не злословил взаимно”, – подразумевает развернутый рассказ о том, как он переносил муки. Другими словами, здесь повествование о страданиях Иисуса выходит за пределы абстрактной констатации, и предполагает последовательность событий, в которой Его оскорбляли и эти оскорбления остались без возмездия. Как уже говорилось, пример, который он оставил после себя, и его поступки, которым верующие должны следовать, требовали определения через повествование. Без этого эпизод терял свою убедительную силу.

В неевангельских текстах Нового Завета, даже не беря в расчет Евангелия, можно найти многочисленные увещания подражать Христу. Принимая во внимание, что хотя само слово *подражать* в соответствующих отрывках встречается не всегда, концепт Христа как образца и примера явно заложен в тех текстах, которые мы рассмотрели. К тому же маловероятно, чтобы авторы посланий писали свои тексты, не будучи знакомыми со связной, логически последовательной историей Иисуса. Но это не означает, разумеется, что они прочли Евангелия. Это говорит лишь о том, что им был известен рассказ о жизни Иисуса, устный или письменный, и они брали из него сведения для своих сочинений. Однако, остается открытым вопрос, насколько читатель или слушатель каждого конкретного послания был осведомлен о подробностях жизни Иисуса. Другими словами, возрастала потребность в биографии Иисуса, которая являла бы сценарий для подражания.

ПОДРАЖАНИЕ В ЕВАНГЕЛИЯХ

Истории об Иисусе в конечном счёте выкристаллизовались в Евангелия, которые, вместе с настойчивым призывом следовать за Иисусом, свидетельствуют о том, что *imitatio* уходит корнями в служение самого Спасителя. Ограниченные рамки работы не позволяют в полной мере рассмотреть все соответствующие от-

рывки текстов, однако очевидно, что эта мысль отражена во всех Евангелиях. Так, в одном из них (Ин. 13) Иисус оmyвает ноги своим ученикам и говорит: “Ибо Я дал вам пример (ὄβλεγμα), чтоб и вы делали то же, что и Я сделал вам”. (Ин. 13:15).

Вновь и вновь Иисус призывает своих учеников: “Идите за Мною” (см., например, Мк. 1:16–20, ср. Ин. 1:43). Но любой, кто желает последовать за ним, должен быть готов принять крест (Мк. 8:31–33). Так, “следование Иисусу” значит далеко не только “вступить в ряды”. Эрнест Бест приходит к выводу, что главная цель Марка – формирование круга верующих и демонстрация им того, что такое истинное ученичество. Оно возникает в отношении к Иисусу. Это и есть ответ на призыв “следуй за мной”. Ученичество в понимании второго евангелиста основано на том, кем Он был и что Он сделал, а не на наставлении Иисуса – как у Матфея. Поэтому главной целью Марка было показать следование Мессии из Кесарии Филипповой в Иерусалим именно как стезю Его служения (8:27; 9:33–34; 10:32)⁴⁶. Еще в самом начале Евангелия жизнь Христа названа “Его путь”, как написано у пророков (Мал. 3:1), (Ис. 40:3) и у Марка (Мк. 1:1–3):

...вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою;

Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.

В ходе анализа феномена христианского ученичества по Марку, Филипп Дэвис акцентирует внимание на взаимосвязи христологии и сотериологии⁴⁷. Ученичество, пишет он, – это тотальный отклик человека на предоставленную Богом возможность спастись через Христа. Для ученичества требуется больше, чем только вера. Оно подразумевает желание оставить все и следовать за Иисусом. Поэтому христоцентризм в повествовании Марка заключается в том, что Иисус представлен как Сын Божий, а ученики – как те, кто выстраивает свою жизнь по Его жизни⁴⁸. В похожем ключе, Пол Ахтемейер утверждает, что несмотря на то, что Марк довольно часто называет Христа “учителем”, Его наставления заключаются главным образом в том, что Он делает, а не в том, что говорит⁴⁹. Дэвис считает показательным, что “самые значительные “сюжеты, обойденные вниманием” у Марка касаются как раз тех вещей, подражать которым невозможно, – таким как непорочное зачатие и воскресение мертвых перед Страшным судом”⁵⁰.

Более того, впервые Марк говорит об Иисусе в связи с крещением, что соотносится с введением верующих в жизнь христиана-

нина. Согласно Дэвису, жизнеописание Иисуса от Марка “может рассматриваться как шаблон христианской жизни, которая начинается крещением, продолжается неустанным стремлением к служению перед лицом искушения и противодействия и завершается страданием и смертью, направленных на невиданное до толе утверждение веры”⁵¹. Однако Дэвис тут же отмечает, что следование Иисусу у Марка означает не мимикрию, а трансформацию. Люди не могут “спасти сами себя”; участь человека слишком тяжела. Но в конечном итоге, ученичество и следование за Иисусом приобщают человека к божественному акту (*divine transaction*), за счет которого просто человеческое преисполняется истинно божественного и через это преобразуется в Его образ и подобие. По этой причине Дэвис поддерживает Томаса Содинга: когда тот, описывая отношение между христианской жизнью и Христом, предпочитает использовать дискурс „сопричастности“, а не „подражания“⁵². Как добавляет Эдуард Швейцер, “термин “следовать” используется, как и в другом месте, в однозначном смысле сопричастности призыванию Христа к страданию и смерти” (см. Лк. 9:57–62; Мк. 8:34)⁵³.

Ларри Хуртадо предлагает схожий взгляд на ученичество по Марку. Во втором Евангелии нет описаний явлений Христа по Его Воскресению – не потому, что автор не знал о них: центром его повествования был образ жизни Иисуса как пример, и история Воскресения не должна была затмить этого. Лаконичная концовка описания Страстей у Марка побуждает учеников следовать за Иисусом невзирая на страх и нерешительность, быть верными Ему, даже притом, что они не могут Его увидеть, и в конечном счете призывает их приобщиться к миссии, описание которой лежит за рамками повествования⁵⁴. Марк рассматривает всю жизнь Иисуса как начало Евангелия (Мк. 1:1). Его служение представляет собой зародышевую фазу Царства Небесного – “горчичное зерно”⁵⁵. Пусть читатели понимают, что именно через них осуществляется следующая фаза действия Царства Небесного на земле.

Посмотрим теперь, какими еще способами Марк, описывая Христа, дает ученикам пример для следования. Во-первых, собственные старания Иисуса, направленные на то, чтобы приобрести учеников (например, Мк. 3:13–19), являются примером одной из целей ученичества, а именно – чтобы у учеников тоже были свои ученики (Мф. 28:18–20). Во-вторых, то, как молился Христос и как Он проповедовал, служит моделью для подобных практик среди его последователей (напр., Мк. 1:35–39). В-третьих, реакция Иисуса на полемику, кипевшую вокруг Него, должна показы-

вать ученикам пример того, как им самим следовало реагировать на обвинения со стороны их противников. В-четвертых, Христос пересмотрел понятие семьи, выведя его за пределы традиционных границ (Мк. 3:31–35). Это понимается в том смысле, что последователи Иисуса обретут настоящую семью в вере, а не непременно в системе родственных связей. Именно вера и послушание лежат в основе подлинной семьи⁵⁶. В-пятых, предрекая своим последователям гонения (например, Мк. 13:9–13; Мф. 5:10–12), Он показал им, как вести себя перед лицом правителей и чиновников, являя в ответ не самозащиту, а одно лишь исповедание веры (Мк. 14:62; 15:1–5). В-шестых, душевные терзания Христа в Гефсиманском саду, когда Он трижды молит Господа “пронести чашу сию” (Мк. 14:32–42 и параллельные места), как представляется, дают претерпевающим страдания пример того, как надо молиться и уповать на Бога. В сущности, и Павел мог подражать Христу, когда трижды молил Бога удалить терзающее его плоть жало (2 Кор. 12:7–10). В приведенных примерах и в других местах Евангелие от Марка представляет Иисуса единственным подходящим примером ученичества и дает сценарий, которому верующие могут подражать. Как говорит Хуртадо о втором Евангелии, “Иисус в одно и то же время и основа, и модель ученичества”⁵⁷.

ПОДРАЖАНИЕ И ЕВАНГЕЛИЯ В РАННЕЙ ЦЕРКВИ

Евангелие от Марка, разумеется, существовало не в вакууме, и вскоре другие евангелисты использовали его в своих собственных повествованиях о жизни Иисуса (напр., Лк. 1:1–4). Деяния Апостолов начинаются со ссылки на Евангелие от Луки, где оно характеризуется как все, “что Иисус делал и чему учил от начала” (Деян. 1:1). И, являясь продолжением, “Деяния” сами по себе должны были пониматься как то, что Христос *продолжал делать и чему продолжал учить* через людей, называемых апостолами. Когда последователи Иисуса исцеляют, крестят или проповедуют во имя Его, – они продолжают то, что Он начал, и видят себя как распространителей его дела по земле (см., например, Деян. 3:6; 10:48.). В истории Стефана дается описание мученика, суд над которым, его страдания и смерть сопоставимы со страстями Христа. Достаточно вспомнить, что Иисус молился, когда Его распинали, и просил Отца Небесного простить своих палачей (Лк. 23:34)⁵⁸. Стефан умирал со схожими словами молитвы на устах, обращенной к Господу Иисусу (Деян. 7:59), мученичество которого стало

примером, которому должен был вторить преследуемый. Также и автор Послания к евреям призывает своих читателей, когда выпадают на их долю гонения и преследования, помнить о том, как Иисус выносил свои страдания (Евр. 12: 1–11).

Игнатий Антиохийский в Послании к ефесянам (10:1–3) пишет, что за тех, кто богохульствует и жестоко с ними обращается, надо молиться, укрепляясь тем самым в “подражании Господу” (μιμηται δε του κυριου)⁵⁹. В послании к римлянам (6:3) он признается, что настойчиво жаждет мученичества, чтобы подражать страданиям “Бога моего” (μιμητην ειναι του παθους του παθους του θεου μου), под которым он подразумевает Христа. Ранее в этом же письме он говорит о том, насколько велико его желание мученичества, поскольку с этого момента он начинает быть учеником, и он хочет, чтобы ничто не удержало его от того, чтобы “ему достигнуть Христа” (5:2–3)⁶⁰.

Поликарп Смирнский в Послании к филиппийцам (8:1–2) проявляет схожее понимание стойкости, когда он увещевает их помнить о том, как умер Иисус, а также – становиться подражателями (μιμηται) Ему в Его претерпевании страданий⁶¹. Описание мученичества епископа Смирны начинается так:

*Ибо почти все, что произошло прежде, было для того, чтобы Господь снова явил нам мученичество, согласное с Евангелием (το ката το ευαγγελιον μαρτυριον). Поликарп ожидал [страдания], подобно Господу, до тех пор, пока не был предан, дабы и мы подражали ему (μιμηται), “заботясь не только о своем [благе], но и о ближних”⁶².*⁶³

Поскольку этот документ датируется второй половиной II столетия, под “Евангелием” в данном случае вполне может подразумеваться какое-то написанное Евангелие или одно из канонических Евангелий. Безотносительно к этому, терпение Поликарпа, ожидающего, как его предадут, является отображением аналогичной ситуации у Христа и, как кажется, выступает некой корректировкой для тех христиан, которые были добровольными мучениками⁶⁴. Позднее в своем рассказе автор подчеркивает, что его же домашние отдали епископа в руки начальника стражи, которого удивительным образом звали Иродом (*Мученичество Поликарпа*, 6:1–2). Он поспешил вывести обвиненного на поприще, где тот стал бы “общником Христу” (Χριστου κοινωνος), а те, кто передал его в руки властей, – неминуемо разделили бы судьбу Иуды. В своих последних молитвах Поликарп благословляет Бога Отца за то, что Он и ему оказал честь испить эту чашу Христову. Стиль

сочинения подразумевает, что мученичество исполняет божественный план и что Бог принимает кровь и страдания мучеников в качестве обильной и угодной жертвы. Однако гораздо важнее, что мученичество становится обетом, выполнение которого обеспечивает общность Христу и дает возможность “достичь Христа”. В заключительных главах Поликарп назван и знаменитым учителем, и выдающимся мучеником, “мученичеству которого, совершившемуся по благовествованию Христову, все подражать желают” (*Мученичество Поликарпа*, 19:1)⁶⁵.

Очевидно, что во всех этих раннехристианских текстах содержится представление о том, что ученичество доводится до совершенства именно через мученичество, в особенности потому что его достигают, подражая терпеливым страданиям Христа. Те же, кто не совершенствует свое ученичество через страдание, все-таки доводят его до завершения, принимая участие в литургии и снова и снова переживая во время этой церемонии смерть, погребение и воскресение Иисуса. Действительно, большая часть ранней христианской литургии связана с желанием чтить память и подражать жизни Иисуса⁶⁶. Например, в сирийской традиции обряд крещения производился по образцу крещения самого Христа, совершенного Иоанном в реке Иордан⁶⁷. Во многих местностях христианская Евхаристия сознательно рассматривалась как *мимесис* Тайной Вечери⁶⁸. Воздевая руки в молитве, христиане сознательно имитировали этим жестом крест Христов (*Оды Соломона*, 27:1–3; 42:1–2; Тертуллиан, *О молитве*, 14)⁶⁹. Эти и другие обычаи свидетельствуют о том, что ранние христиане включили в литургию эпизоды жизни Иисуса, особенно те, которым нельзя было подражать.

Одним из наиболее увлекательных примеров, где встречаются одновременно литургия, Евангелия и подражание, является Первая Апология Иустина. В его описании раннехристианского богослужения эти элементы действительно сливаются в одно (*1 Апология*, 67):

В день, называемый воскресеньем, бывает в одном месте собрание всех, кто живет в городах и местечках, и читаются, сколько позволяет время, воспоминания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец закончит чтение, предстоятель на словах делает наставление и увещевание подражать тем прекрасным вещам.

В данном отрывке следует отметить две особенности. Во-первых, в воскресенье (“день солнца”) сельские и городские

христиане собирались вместе и читали “воспоминания” апостолов и писания пророков. Фраза “воспоминания апостолов” (ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων), без сомнения, относится именно к написанным Евангелиям, ведь в другом месте Иустин использует это понятие, когда он цитирует Матфея, Луку и в одном случае Марка⁷⁰. Во-вторых, Иустин рассказывает, что суть проповеди – в увещании подражать тем прекрасным вещам, о которых они услышали. Применительно к Евангелиям это могло отсылать только к подражанию Христу, главному действующему лицу Евангелий. Но даже писания пророков читались вслух и становились основой для подражания. Это согласуется с предписанием автора (см.: Климент Римский. *1 Письмо к коринфянам*, 17:1–6) подражать пророкам, потому что они возвестили пришествие Христа. Фундаментальным здесь является то, какие функции исполняли евангельские тексты во время литургии. Их читали вслух, и председательствующий призывал следовать тому, что в них описано. Однако, принимая во внимание разнообразие, существовавшее в раннем христианстве, невозможно говорить о том, что практики, описанные Иустином, были повсеместными. Раннее христианство не было единым, целостным. И все же центральное положение и долговечность труда Иустина показывают, что внушительная часть христианского населения исповедовала свою веру именно таким образом. Евангелия давали им текст-пример для подражания и определяли через описание (narrative definition) того, что же означало – следовать за Иисусом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые христиане составляли Евангелия и пользовались ими в среде, где было обычным явлением читать жизнеописания незаурядных людей и стараться подражать их добродетелям. Такой литературный этос мог подготовить христиан к тому, чтобы ожидать призыва к подражанию всякий раз, когда читались Евангелия. И хотя было, вероятно, множество факторов, которые послужили переходу от устной традиции к записанным евангельским текстам, *imitatio Christi* дало сильный импульс к составлению Евангелий. Действительно, по мере того как христианские миссионеры распространяли весть и убеждали своих учеников “подражать Христу”, “поступать так, как он поступал”, все острее чувствовалась нехватка рассказа о Его жизни, которой дал бы сценарий для подражания. Как мы уже видели, Евангелие от Марка призывает ве-

рующих следовать за Иисусом; в нем Иисус делается “основой и образцом ученичества”⁷¹. Другими словами, второе Евангелие – а за ним и другие канонические Евангелия – давало первым христианам повествовательное определение, необходимое для того, чтобы воплотить *imitatio Christi*.

пер. с англ. А.Б. Герштейн, А.С. Хромотовой

- ¹ В этом контексте нельзя не отослать читателя к статье отечественного исследователя С.С. Аверинцева, который, соглашаясь с тезисом Р. Бульмана, привнес свои аргументы в пользу того, что Евангелия не являются биографическим жанром. См.: *Аверинцев С.С. Почему Евангелия – не биографии // Мир Библии. 2001. № 8. С. 4–12 (примеч. переводчиков).*
- ² От греч. κήρυγμα – объявление, провозглашение, призыв, проповедь. В современной библеистике термином “*керигма*” также принято обозначать основное богословское послание текстов Священного писания. В традиции, заложенной Р. Бульманом, термин “*керигма*” применяется для обозначения рациональной части религии, чистого логоса, очищенного от мифа (*примеч. переводчиков*).
- ³ *Bultmann R. The History of the Synoptic Tradition. Oxford, 1972. P. 345–372.*
- ⁴ *Koester H. Ancient Christian Gospels: Their History and Development. London, 1990. P. 26–29, 289–292. Кёстер следует за: Baltzer K. Die Biographie der Propheten. Neukirchen-Vluyn, 1975.*
- ⁵ *Schuler Ph. A Genre for the Gospels: The Biographical Character of Matthew. Philadelphia, 1982.*
- ⁶ *Ibid. P. 108–109.*
- ⁷ *Burridge R. What Are the Gospels? A Comparison with Graeco-Roman Biography. Cambridge, 1992.*
- ⁸ *Ibid. P. 240–241.*
- ⁹ *Ibid. P. 256.*
- ¹⁰ *Talbert Ch. What Is a Gospel? The Genre of the canonical Gospels. Philadelphia, 1977. P. 15–17.*
- ¹¹ *Ibid. P. 92–98, 133–135.*
- ¹² *Ibid. P. 94.*
- ¹³ *Malherbe A. Moral Exhortation: A Greco-Roman Sourcebook. Philadelphia, 1986. P. 135.*
- ¹⁴ Перевод дан по изд.: Квинтилиан Марк Фабий. Риторические наставления / пер. А. Никольского. СПб., 1834. С. 83 (*примеч. переводчиков*).
- ¹⁵ Ср. : Дион Хрисостом. Речь LV. О Гомере и Сократе / пер. О. Смыки // Античность в контексте современности. М., 1990. С. 185–191 (*примеч. переводчиков*).
- ¹⁶ Этот энкомий, по мнению И.Ю. Шабаги, во многом стал образцом для позднейших хвалебных речей. См.: *Шабага И.Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 10 (примеч. переводчиков).*
- ¹⁷ *Исократ. Малые аттические ораторы. Речи. Письма. Эвагор / под общ. ред. Э.Д. Фролова; пер. Ю.В. Андреева, В.Г. Боруховича, М.Н. Ботвинника, Л.М. Глускиной, А.И. Зайцева, Н.Н. Залесского, К.М. Колобовой, Е.А. Миллиор, Н.Н. Новосадского, Т.В. Прушакевич, Э.Д. Фролова, И.А. Шишовой. М., 2013. С. 197–198 (примеч. переводчиков).*
- ¹⁸ Стих из несохранившейся драмы Софокла *Тимпанисты* (*примеч. переводчиков*).

- ¹⁹ Плутарх. Эмилий Павел и Тимолеонт / пер. С.П. Маркиша // Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 272 (примеч. переводчиков).
- ²⁰ Плутарх. Перикл / пер. С.И. Соболевского // Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 176–177 (примеч. переводчиков).
- ²¹ Лукиан Самосатский. Жизнеописание Демонакта / пер. Н.П. Баранова // Сочинения: в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 411–412. URL: http://krotov.info/acts/02/03/lukian_70.htm (дата обращения: 26.06.2014) (примеч. переводчиков).
- ²² В других подобных сочинениях, таких как *К Демонику* Исократ (гл. 36) содержится следующее: “Подражай нравам царей и следуй их поступкам... Повинуясь царским законам, однако самым сильным законом считай царскую волю”. Ксенофонт в *Воспоминаниях о Сократе* (Кн. 1, гл. 63. и Кн. 4, гл. 1.1) пишет, насколько плодотворным было пребывание рядом с Сократом, что даже в его отсутствие одно только воспоминание о нем приносило немало пользы. Плиний в своих *письмах* (Кн. 8, письмо 13) подчеркивает, какое значение имеет живой пример, такой, как отец, которому ты можешь подражать и превзойти. Сенека в *Нравственных письмах к Луцилию* (Письмо 11, 9–10) в I в. н.э. советует Луцилию избегать злодеяний, выстав себе кого-нибудь из людей добра, и всегда иметь его перед глазами, и поступать так, словно он постоянно наблюдает за тобой. Сенека также советует сделать это, потому что даже память о достойном муже заставит человека исправлять свою натуру и воспитывать себя с оглядкой на человека добра – и таким образом тот становится и хранителем, и примером. Сенека (Письмо 6, 5–6) предпочитает ежедневное, живое общение с книгами, живой голос мудрецов, во-первых, потому что люди верят больше глазам, чем ушам, и во-вторых, потому что долог путь наставлений – краток и убедителен путь примеров.
- ²³ Подробнее об этом см. в настоящем издании: *Крайсель X. Imitatio Dei* в “Путеводителе растерянных” Маймонида (примеч. переводчиков).
- ²⁴ Ср. *Прем. Соломона*, 4:1–2: “Лучше бездетность с добродетелью: ибо память о ней бессмертна; она признается у Бога и людей. Когда она присуща, ей подражают, а когда отойдет, стремятся к ней” (примеч. переводчиков).
- ²⁵ Книги Маккавеев : пер., введение, комм. Н.В. Брагинской, А.Н. Коваля, А.И. Шмаиной-Великановой; под общ. Ред. Н.В. Брагинской. Иерусалим; Москва, 2014. С. 469, 471 (примеч. переводчиков).
- ²⁶ Там же. С. 479–480 (примеч. переводчиков).
- ²⁷ “Завет Вениамина, двенадцатого сына Иакова и Рахили. О чистом помышлении” – заключительная часть ветхозаветного апокрифа “Заветы двенадцати патриархов, сыновей Иакова”, составленного, по мнению большинства исследователей, в I в. до н.э.; альтернативная датировка – конец I в. н.э. Каждый из 12 заветов содержит историческую и нравоучительную части. Последнее обстоятельство, вероятно, предопределило интерес христианской культуры к этому памятнику, в частности, Иринея Лионского, Оригена и Тертуллиана (примеч. переводчиков).
- ²⁸ Здесь и ниже русский текст приведен по изданию: *Ветхозаветные апокрифы: Книга Юбилеев; Заветы двенадцати патриархов* / пер. А.В. Смирнова. СПб., 2000. С. 238–239 (примеч. переводчиков).
- ²⁹ *Steiman S. Imitation of God (Imitatio Dei)* // *Encyclopedia Judaica*. 1971. V. 8. P. 1292–1293. См. также: *Siegel S. Imitation of God (Imitatio Dei)* // *Encyclopedia Judaica* / ed. F. Skolnik, M. Berenbaum. 2-nd ed. 2006. V. 9. P. 737–738.
- ³⁰ Памятник иудейской литературы, традиционно называемый “Письмом Аристея к Филократу” представляет собою повесть, которую нельзя отнести ни к одному из существующих жанров или видов литературы, обычно применяемых к вет-

- хозаветной псевдоэпиграфии. В заглавии этого произведения в манускриптах отсутствует слово “Письмо”; стоит только “Аристей Филократу”. Слово “письмо” – неподходящий заголовок, потому что текст не соответствует форме древних писем. Оригинальный текст этой повести, местами искаженный, дошел до нас благодаря так называемому *Катене на Осьмнокнижие*, компилятивному экзегетическому труду, приписываемому Прокопию Газскому. Церковный историк Евсевий Кесарийский также сохранил в своих сочинениях значительные отрывки “Письма”. Всего известно 23 манускрипта. (*примеч. переводчиков.*)
- ³¹ Имеется в виду царь Египта Птолемей II Филадельф (285–246 до н.э.) (*примеч. переводчиков.*)
- ³² Здесь имеется в виду готовящийся перевод священных иудейских текстов на древнегреческий язык; впоследствии он будет назван Септуагинтой (*примеч. переводчиков.*)
- ³³ В оригинале – στρατηγός. Должность стратега, командующего войсками в древнегреческом мире, в эпоху Птолемеев обозначала представителя местной администрации, назначаемого царем. Ср. римск. pretor (*примеч. переводчиков.*)
- ³⁴ Ср.: 1 Фес. 1:7 (*примеч. переводчиков.*)
- ³⁵ *Castelli E.A. Imitating Paul: A Discourse of Power.* Louisville, 1991. В этой работе утверждается, что мимесис в посланиях апостола Павла функционирует как стратегия власти, т.е. установления и легитимации структур власти в ранних христианских общинах.
- ³⁶ Краткое описание того, что такое жизнь по образу креста Павел дает в 2 Кор. 4:7–11. См. подробнее: *Kow Sh-M. The impact of a spiritual leadership program based on spiritual disciplines on leadership competencies.* S. 1., 2008. P. 21 (*примеч. переводчиков.*)
- ³⁷ См. также: 1 Кор. 1:24–31 (*примеч. переводчиков.*)
- ³⁸ *Fowl S.E. Imitation of Paul/of Christ // Dictionary of Paul and His Letters.* Downers Grove, 1993. P. 428–431.
- ³⁹ *Conzelmann H. 1 Corinthians.* Hermeneia; Philadelphia, 1975. P. 180.
- ⁴⁰ Например: *Fee G. 1 Corinthians.* NICNT. Grand Rapids, 1987. P. 490–491.
- ⁴¹ *Ibidem.* (Ср. 1 Кор. 10:28 – *примеч. переводчиков.*)
- ⁴² Например: *Martin R. A Hymn to Christ: Philippians 2:5–11 in Recent Interpretation and in the Settings of the Early Christian Worship.* Downers Grove, 1997. P. 290–291. Впервые опубликован в 1967 г. под названием “Carmen Christi”.
- ⁴³ *Hurtado L. Jesus as Lordly Example in Philippians 2:5–11 // Jesus to Paul: Studies in Honour of Francis Wright Beare.* Waterloo, 1984. P. 113–126; см. также: *Hawthorne G. The Imitation of Christ: Discipleship in Philippians // Patterns of Discipleship in the New Testament / ed. R. Longenecker.* Grand Rapids, 1996. P. 168–178.
- ⁴⁴ *Laurance J. The Eucharist as the Imitation of Christ // Theological Studies.* № 47. 1986. P. 286–296.
- ⁴⁵ *Kelly J.N.D. Commentary on the Epistle to Peter and Jude.* Grand Rapids, 1969. P. 118.
- ⁴⁶ *Best E. Following Jesus: Discipleship in the Gospel of Mark.* Sheffield, 1981. P. 10–15.
- ⁴⁷ *Davis Ph. Christology, Discipleship, and Self-Understanding in the Gospel of Mark // Self-Definition and Self-Discovery in Early Christianity: A Study in Changing Horizons-Essays in the Appreciation of Ben F. Meyer from Former Students.* N.Y., 1990. P. 101–109.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 106–109. Противоположной позиции придерживается Эрнест Бест (*Best E.* Op. cit. P. 127.), который сводит тему подражания к ученичеству, исключая самые очевидные отрывки, например, Мк. 10:43–45.

- ⁴⁹ *Achtemeier P.* Mark. Proclamation Commentaries. Philadelphia, 1975. P. 63–64.
- ⁵⁰⁰ *Davis Ph.* Op. cit. P. 109.
- ⁵¹ *Ibid.*
- ⁵² *Ibid.* P. 110–111. Дэвис считает Павла хорошей иллюстрацией концепции Марка. Он использует и дискурс подражания (1 Кор. 11:1), и дискурс сопричастности (Рим. 6:3–4). Более того, Павел сразу указывает на то, что внутреннее изменение человека зависит от внешнего уподобления его жизни – жизни Христа. См. также: *Soding T.* Die Nachfolgeforderung Jesu im Markusevangelium // *TTZ.* № 94. 1985. S. 306–309.
- ⁵³ *Schweizer E.* Lordship and Discipleship. Naperville, 1960. P. 15.
- ⁵⁴ *Hurtado L.* Following Jesus in the Gospel of Mark – and Beyond // *Patterns of Discipleship in the New Testament* / ed. R. Longenecker. Grand Rapids, 1996. P. 26–27.
- ⁵⁵ *Ibid.*
- ⁵⁶ См.: *Donahue J.R.* The Theology and Setting of Discipleship in the Gospel of Mark. Milwaukee, 1983. P. 31–51.
- ⁵⁷ *Hurtado L.* Op. cit. P. 25.
- ⁵⁸ Важные источники, такие как P⁷⁵, \aleph^1 , В, не содержат этого стиха. Поэтому можно предположить, что этот вариант текста не является оригинальным. Впрочем, наличие этого стиха в других ранних манускриптах, наряду с прочими источниками, процитированными выше, показывает, что по крайней мере ко II в. н.э. мученичество Иисуса уже стало служить гонимым образцом для подражания.
- ⁵⁹ Полный текст см.: *Игнатий Богоносец.* Послание к Ефессянам // *Ранние Отцы Церкви.* Брюссель, 1988. С. 101–110 (*примеч. переводчиков*).
- ⁶⁰ Полный текст см.: Там же. С. 122–127 (*примеч. переводчиков*).
- ⁶¹ Полный текст на русском языке см.: *Послание к филиппийцам Поликарпа Смирнского* / пер. П.А. Преображенского // *Писания мужей апостольских.* Рига, 1994. С. 359–365 (*примеч. переводчиков*).
- ⁶² Ср. Флп. 2:4 (*примеч. переводчиков*).
- ⁶³ См.: *Мученичество св. Поликарпа, епископа смирнского* / пер. П.А. Преображенского // *Писания мужей апостольских.* Рига, 1994. С. 379.
- ⁶⁴ *Droge A.J., Tabor J. D.* A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity. New York, 1992. P. 129–158.
- ⁶⁵ *Мученичество св. Поликарпа, епископа смирнского.* С. 392 (*примеч. переводчиков*).
- ⁶⁶ *Capes D.* *Imitatio Christi* and the Early Worship of Jesus // *The Jewish Roots of Christological Monotheism: Papers from the St. Andrews Conference on the Historical Origins of the Worship of Jesus.* Leiden, 1999. P. 293–307.
- ⁶⁷ *Ratcliff E.C.* The Old Syrian Baptismal Tradition and Its Resettlement under the Influence of Jerusalem in the Fourth Century // *Liturgical Studies.* London, 1976. P. 135–54; *Gabriele W.* The Original Meaning of the Prebaptismal Anointing and Its Implications // *Worship.* 1978. № 52. P. 24–45.
- ⁶⁸ *Laurance J.D.* The Eucharist as the Imitation of Christ // *Theological Studies.* 1986. № 47. P. 286–296.
- ⁶⁹ *Capes D.* Op. cit. P. 301–304.
- ⁷⁰ *Koester H.* Op. cit. P. 36–43. Иустин также связывает Евангелия с “воспоминаниями” (см.: *1 Апология*, 66.3).
- ⁷¹ *Hurtado L.* Op. cit. P. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. ГУРЕВИЧА

М.Л. Андреев

ГУРЕВИЧ VERSUS БАТКИН: СПОР ДВУХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ?..... 5-11

Л.М. Баткин

ЗАМЕТКА О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К КУЛЬТУРНЫМ
ТЕКСТАМ 12-17

М.Ю. Парамонова

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: МИССИЯ КАК ДОЛГ И КАК
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР 18-65

IMITATIO CHRISTI В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Арнаутова, А.Б. Герштейн

ВВЕДЕНИЕ 66-74

Д.Б. Кейнс

IMITATIO CHRISTI И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЙ 75-98

Ю.Е. Арнаутова

IMITATIO CHRISTI: ТЕОЛОГЕМА И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ В
БЕНЕДИКТИНСКОЙ АГИОГРАФИИ 99-139

М.Р. Ненарокова

МОЛИТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ *IMITATIO CHRISTI* ДЛЯ ЧАСТ-
НОГО ЛИЦА (ПРИМЕР МЕХТИЛЬДЫ ХАКЕБОРНСКОЙ) 140-161

Мехтильда Хакеборнская

КНИГА ОСОБОЙ БЛАГОДАТИ (*пер. с лат. М.Р. Ненароковой*) 162-181

М.Г. Логутова

“ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ” ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО 182-224

А.Е. Махов

ДЬЯВОЛ – ИМИТАТОР ИЛИ АЕМУЛЯТОР БОГА? 225-238

О.И. Тогоева

ПРОРОК, МУЧЕНИЦА ИЛИ ТРИУМФАТОР? *IMITATIO CHRISTI*
В ИСТОРИИ ЖАННЫ Д’АРК (XV–XVII ВВ.) 239-257

Х. Крайсель

IMITATIO DEI В “ПУТЕВОДИТЕЛЕ РАСТЕРЯННЫХ” МАЙМОНИДА 258-309

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
“ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?”**

<i>О.Е. Кошелева</i>	
ВВЕДЕНИЕ	310-314
<i>Ю.Е. Арнаутова</i>	
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ.....	315-336
<i>П.Ш. Габдрахманов</i>	
ОБЫЧАИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЛАНДРИИ (ПО РОДОСЛОВНЫМ СПИСКАМ АЛТАРНЫХ ТРИБУТАРИЕВ).....	337-345
<i>Ю.П. Крылова</i>	
“УЮТ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ”, ИЛИ ОБ ОТНОШЕ- НИИ К РЕЛИГИОЗНЫМ ПРАКТИКАМ ВО ФРАНЦИИ XIV в.	346-354
<i>О.И. Тогоева</i>	
ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТОЧКИ ПЕРЕ- СЕЧЕНИЯ.....	355-365
<i>С.К. Цатурова</i>	
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЛАСТИ: ГРУППОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ КОРОНЫ ФРАНЦИИ В XIII–XV вв.	366-372

**ВЕНЕЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

<i>П. Ланаро</i>	
ИНОЗЕМЦЫ В ГОРОДЕ ИНОЗЕМЦЕВ: ВЕНЕЦИЯ, XIV–XVIII вв.	373-386
<i>Н. Жечевич</i>	
<i>SERENISSIMA</i> МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ВНЕЦИАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ.....	387-401

ОБРАЗ “ДРУГОГО”

<i>М.Ю. Андрейчева</i>	
МУСУЛЬМАНЕ, КАТОЛИКИ И ИУДЕИ В ЛЕТОПИСНОМ РАССКАЗЕ О ВЫБОРЕ ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ.....	402-440

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>М.Ю. Реутин</i>	
СРЕДНЕВЕКОВАЯ МИСТИКА В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.....	
<i>Peter Dinzelsbacher. DEUTSCHE UND NIEDERLÄNDISCHE MYSTIK DES MITTELALTERS: EIN STUDIENBUCH. BERLIN; BOSTON: W. de GRUYTER, 2012. 424S.</i>	441-454

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ЭДУАРДОВИЧА ХАРИТОНОВИЧА	455-456
---	---------

IN MEMORIAM

НЕСКОЛЬКО ПЕЧАЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ БОРИСА ДУБИНИНА (31.12.1946–20.08.2014).....	457-459
О БОРИСЕ И БОРХЕСЕ	459-462
SUMMARIES.....	463-470
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	471

CONTENTS

COMMEMORATING THE 90th ANNIVERSARY OF ARON YA. GUREVITCH

Mikhail L. Andreev

GUREVITCH VERSUS BATKIN: THE CONTROVERSY OF TWO
EPISTEMOLOGIES?

Leonid M. Batkin

A NOTE ON THE DIALOGIC APPROACH TO CULTURAL TEXTS

Marina Yu. Paramonova

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: MISSION AS A DUTY AND AS
AN INDIVIDUAL CHOICE

IMITATIO CHRISTI IN THE MEDIEVAL AND EARLY MODERN RELIGIOUS CULTURE

Yulia E. Arnautova, Anna B. Gerstein

INTRODUCTION

David B. Capes

IMITATIO CHRISTI AND THE GOSPEL GENRE

Yulia E. Arnautova

IMITATIO CHRISTI: A THEOLOGICAL CONCEPT AND A LITERARY
MODEL IN THE BENEDICTINE HAGIOGRAPHY

Maria R. Nenarokova

PRAYER AS A WAY OF *IMITATIO CHRISTI* FOR AN INDIVIDUAL (THE
CASE OF MECHTILDE OF HACKEBORN)

THE BOOK OF SPECIAL GRACE OF ST. MECHTILDE OF HACKEBORN
(*Transl. from Latin by Maria R. Nenarokova*)

Margarita G. Logutova

THE BOOK *DE IMITATIONE CHRISTI* BY THOMAS A KEMPIS

Alexander E. Makhov

IS THE DEVIL AN *IMITATOR* OR AN *AEMULATOR* OF GOD?

Olga I. Togoëva

PROPHET, MARTYR OR TRIUMPHATRIX? *IMITATIO CHRISTI* IN THE
HISTORY OF JOAN OF ARC (15th–17th CENTURIES)

Howard Kreisel

IMITATIO DEI IN *MAIMONIDES' GUIDE OF THE PERPLEXED*

**MATERIALS OF THE ROUND TABLE
‘CAN THE HISTORY OF MEDIEVAL EVERYDAY LIFE
BE STUDIED?’**

Olga E. Kosheleva

INTRODUCTION

Yulia E. Arnautova

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE TODAY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Pavel Sh. Gabdrakhmanov

PRACTICES OF NAME GIVING IN FLANDERS ACCORDING TO GENEALOGIES OF *TRIBUTARII* (12th–13th CENTURIES).....

Yulia P. Krylova

“THE COMFORT OF EVERYDAY EXISTENCE”, OR ON RELIGIOUS PRACTICES IN THE 14th CENTURY FRANCE.....

Olga I. Togoeva

THE HISTORY OF LAW AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE: INTERSECTIONS.....

Susanna C. Tsaturova

THE EVERYDAY ROUTINE OF STATE BODIES: FRENCH ROYAL OFFICERS’ GROUP STRATEGIES AND INDIVIDUAL CLAIMS IN 13th–15th CENTURIES.....

VENICE: PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

Paola Lanaro

STRANGERS IN THE CITY OF STRANGERS: THE VENICE OF 14th–18th CENTURIES

Nada Zečević

SERENISSIMA BETWEEN POWER AND CORRUPTION: STRATEGIES OF VENETIAN OFFICIALS’ BEHAVIOUR.....

IMAGE OF THE ‘OTHER’

Marianna Y. Andreycheva

MUSLIMS, CATHOLICS AND JEWS IN THE STORY OF CHOOSING THE FAITH BY PRINCE VLADIMIR IN THE *PRIMARY CHRONICLE*: IMAGES AND MEANINGS

REVIEWS

Mikhail Y. Reutin

THE MEDIEVAL MYSTICISM IN GERMANY AND IN THE NETHERLANDS.....

Peter Dinzelbacher. Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters. Ein Studienbuch. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2012. 424 S.

ANNIVERSARIES

THE 70th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH KHARITONOVICH

IN MEMORIAM

A FEW SAD CONSIDERATIONS OF BORIS DUBIN'S DECEASE (31.12.1946–20.08.2014).....

ABOUT BORIS AND BORES.....

SUMMARIES.....

ABOUT THE AUTHORS.....